

Светлана Пономарёва
Николай Пономарёв

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

фото на развалинах

Светлана Витальевна Пономарева
Николай Анатольевич Пономарев

Фото на развалинах

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48804460

*Фото на развалинах:
ISBN 978-5-08-006074-8*

Аннотация

Елисей (Лесь) учится в обычном десятом классе обычной средней школы. Всё, что вокруг него, обычно и буднично. И проблемы его – самые обычные подростковые, такие, как и у всех в его возрасте: влюблён в девчонку, а ей не до него, в него влюблена другая – ему не до неё. Кругом все гаммы и оттенки серой, осенней, мрачной действительности. Даже его уникальное хобби – фотографировать развалины – такое же мрачное и чёрно-белое. И так бы всё вяло продолжалось, перетекая непонятно в какое состояние, но в школе появился новый учитель истории и разрушил обыденность, заставил пересмотреть взгляды на жизнь, внёс в неё яркие краски.

Для старшего школьного возраста.

Содержание

Дорогой мой юный друг!

6

Конец ознакомительного фрагмента.

42

**Светлана Васильевна
Пономарева, Николай
Анатольевич Пономарев
Фото на развалинах**

© Пономарёва С. В., Пономарёв Н. А., 2009

© Садердинова М. Х., иллюстрации, 2009

© Оформление. АО «Издательство «Детская литература», 2019

Дорогой мой юный друг!

Я не знаю, какие книги ты любишь и читаешь, и мне трудно предугадать, понравится ли тебе эта повесть – «Фото на развалинах». Но я уверен в одном: на какой-то из страниц ты узнаешь себя. Может быть, это будет страница о твоей первой любви... Может быть, это будет страница о мучительном чувстве разлада и непонимания между тобой и родителями. Или о тоске и одиночестве в мире, где тебе однажды показалось, что ты никому не нужен. Или ты вдруг совершенно неожиданно для себя откроешь в ненавистном тебе прежде школьном учителе или другом взрослом понимающего друга. Или узнаешь в герое книги, в его отчаянии и озлоблении на мир свои собственные мысли о роковом поступке...

Книга захватывает тебя с первых страниц и не отпускает до конца, хотя это не детектив, не приключения, не фэнтези. Это просто жизнь твоих ровесников в пору взросления, когда болезненно переживаешь малейшую фальшь отношений, мысленно ставишь самые строгие оценки поступкам и словам своих товарищей и родных. Случается, в душе перепутывается столько противоречивых чувств, что кажется: выхода нет. А выход есть всегда! Выход в простых и вечных истинах. Не надо поддаваться на модную уловку, что «вся любовь износилась со временем и превратилась в

деиёвые пиратские копии». Это неправда. Жизнь не кончается, если тебя обидели и даже предали. Не замыкайся на неудаче. Найди в себе силы простить обидчика. «Просто не делай никому больно – и любовь придёт». Вот чему учит эта книга, суровая и нежная, правдивая и добрая, в лучшем смысле слова – современная. Потому что добро современно всегда, во веки веков. А время взросления отсчитывается первыми поступками во имя Любви и Добра.

2009

Сергей Михалков

В серой дымке октябрьской мороси наш город выглядит просто отвратительно. Местами он тяжеловато-грязный, выросший окнами в землю, местами казённо-серый, по-военному выстроившийся в ряд панельными пятиэтажками, ещё часть города дымит заводскими трубами.

То там, то тут по залитым утренним дождём дорогам тяжело проползают серо-жёлтые автобусы. Даже новые дома из красно-белого кирпича город не украшают. В октябре они

незаметны среди мрачных зданий. Город вообще недостоеин того, чтобы его рисовали красками. Если рисовать – то углём на сероватом ватмане, если снимать, то ставить фотоаппарат на «чёрно-белый». Я не рисую город, я фотографирую его. Сейчас – с верхнего этажа давно заброшенной ТЭЦ. Пройти сюда просто так нельзя, но у меня есть особый дар – проникать во всякие развалины, подвалы, дома под снос. Иногда мне кажется, что недоступных мест для меня не существует. Я бывал и на охраняемых сторожами территориях, и в таких завалах, куда на первый взгляд, кроме кошки, никто не протиснется. Эта ТЭЦ по сравнению с другими местами относительно легкодоступна. Мне и пришлось всего-то подлезть под бетонную плиту забора, земляную насыпь у которой размыло многолетними дождями и таянием снега, пробежать, прыгая через лужи и кучи мусора, по территории да отодвинуть ржавую входную дверь. Если сторож тут и был, то плохо исполнял свои обязанности – меня, во всяком случае, никто и не подумал остановить...

Безусловно, пробираясь в такие места, я рисковал. Меня могло придавить, я мог упасть, расшибиться, попасться наркоманам, маньяку, сторожу, полиции. В общем, многое теоретически могло со мной произойти. Я знал это, но ни за что бы не отказался от своего увлечения. Это было как наркотик... Найти в городе то, что раньше что-то значило, а теперь не значит ничего. Найти и сфотографировать.

В прошлом году я занимался в фотокружке. Там нас учи-

ли делать снимки допотопным фотоаппаратом, проявлять, печатать плёнки. Сначала это было интересно, а потом надоело: зачем так мучиться, когда можно купить хороший цифровой и щёлкать что угодно и сколько угодно. Неудачные снимки я удаляю, остальные скидываю на компьютер. Самые удачные отдаю в распечатку и развешиваю у себя в комнате. Для этого я выделил целую стену. Целая стена ржавых железок, труб, крыш, поросших мхом, разбитых ступенек, покосившихся калиток, пустых оконных проёмов... Мать приходит в ужас, когда это видит. Ей, конечно, больше хочется, чтобы я снимал цветочки и белочек в зоопарке. Впрочем, она редко заходит в мою комнату...

Поднявшись по нескольким железным лестницам на самый верх ТЭЦ и отсняв её внутренности, я высунулся в проём давно разбитого окна. Тут уже и рамы не было и не было досок, которыми окно заколачивали много лет назад, – жители частных домов всё утащили на растопку. Поэтому можно было облокотиться на тёмный от времени кирпич и смотреть на город через объектив.

Я навёл объектив на автобусную остановку прямо под оградой ТЭЦ. На остановке ёжились несколько человек под чёрными зонтиками. Как будто специально они были одеты в серое, чёрное, коричневое. И для большего эффекта крыша остановочной будки была ржавая и провисшая внутрь. Я щёлкнул эту картинку. Люди были под стать пейзажу, под стать городу – такие же безликие, словно их нарисовали под

копирку. Наверняка и внутренние они одинаково серые и пустые. Не надо даже особо напрягаться, чтобы представить их жизнь: утром они заталкивают себя в грязные автобусы и едут на работу, вечером – едут домой. В промежутке между автобусами сидят в какой-нибудь конторе и зарабатывают пропуск в вечность. Хотя туда, конечно, не попадут: зачем вечности серость? Вечером эти бесцветные люди смотрят тупые сериалы, а ночью делают таких же тупых детей. Дети вырастают, надевают тёмные куртки, берут зонтики и с трудом заталкивают себя в те же автобусы, в каких ездили их родители...

К мусорному бачку на остановке подошла облезлая дворняга. Она подёргивала носом, вынюхивая съестное. Но в этом бачке ничего подходящего не оказалось. Дворняга потыкалась в бачок и разочарованно села на землю. Я щёлкнул дворнягу.

Осталось пройти по территории и снять само здание с разных сторон. Но я не торопился. Мне было хорошо. Я сел в проёме, упершись ногами, и смотрел вверх. Внизу – порядочная высота, вверху – пепельно-серое небо, вокруг – мёртвый камень. Если бы меня сейчас увидел кто-нибудь из знакомых, то глазам бы своим не поверил. Сказать честно, меня бы просто и не узнали. Собираясь на вылазки, я надевал самое старое, что у меня было, и обязательно – тёмные очки. И снимал эти очки, только оказавшись далеко от своего района. Сейчас я выглядел как беспризорник или наркоман,

словом, совсем не так, как обычно выгляжу. И это мне тоже нравилось – побыть не собой. Это давало некую свободу. Хотя и очень ненадолго.

Вдоволь насидевшись в окне и надышавшись промозглым воздухом, я наконец решился идти домой. Но напоследок обошёл, как и планировал, постройку вокруг и добыл ещё немало кадров в стиле футуристической готики.

По дороге мне повезло ещё раз: из окна автобуса, остановившегося перед светофором, я увидел сломанный фонарь. Фонарный столб выглядел так, словно его силой согнули почти пополам. Я достал фотик и щёлкнул это прямо через закапанное окно. Посмотрим, что получится.

По моим подсчётам, домой уже можно было. Сегодня отец улетал в очередную командировку. И сейчас он как раз едет в аэропорт. Значит, никто не прикопается к тому, что я грязный, мокрый и вообще непонятно где шарился полдня. Не то чтобы я вообще не хотел видеть отца, но уж очень фальшивой получалась его забота обо мне в последние годы. Большую часть времени он меня не замечал. Зато, неожиданно вспомнив, что я у него есть, вдруг начинал задавать сотни глупых вопросов и требовать, чтобы я поделился с ним всем, о чём я думаю и чем живу. Пытался за несколько минут стать моим лучшим другом. Раньше, когда я был младше и наивней, я принимал эти его приступы родительства за чистую монету и радостно бросался общаться. Но он меня не дослушивал. Не успевал, не хотел... Или и то и другое вместе. Так

мы и пришли к полной взаимности: он спрашивает, как дела, я говорю, что хорошо. Ещё он выдаёт карманные деньги и периодически интересуется оценками. Всё. Лишние разговоры в эту схему никак не вписываются. Поэтому пусть их вообще не будет...

Однако я просчитался. Дома было шумно, свет во всех комнатах включён, и два человека носились по квартире так, что создавалось впечатление, будто их тут штук десять. Всё ясно: отец опаздывал. Это происходило с ним чрезвычайно редко и только из-за чего-то непредвиденного. Непредвиденное отец очень не любил, поэтому, стоило такому случиться, начинал паниковать, психовать, терять паспорт и билеты, и от этого опаздывал ещё больше, чем мог бы, если бы сохранял спокойствие.

Я разулся и попытался незаметно просочиться в свою комнату, но не тут-то было. Мать заметила меня и картинно всплеснула руками:

– Лесь, где ты ходишь под дождём? Почему ты такой грязный? Ты упал? Тебя побили? Что случилось?

– В футбол играл на грязном поле, – быстро сочинил я.

Отец, уже с сумкой в руках, скривился:

– Футболист! Завтра же свалишься с ангиной. Тебе в любую грязь, лишь бы не дома, да?

В принципе он был не так уж и не прав, но обсуждать это я не собирался.

– Пойду переоденусь.

Мать с отцом тут же забыли обо мне. В последний раз проверив, всё ли на месте, отец вылетел из квартиры. Дверь за ним захлопнулась.

Я подошёл к окну и выглянул во двор. Увидел машину из отцовской фирмы, но ждать, пока она отъедет, не стал, полез в шкаф за сухими носками. Потом включил компьютер и стал скидывать с фотика кадры, отснятые сегодня.

В квартире было теперь тихо-тихо, как будто я тут один. Мать не заходила ко мне, она знала наверняка, что я сижу за компьютером, так же как и я знал наверняка, что вот сейчас она в спальне достанет из какого-нибудь укромного местечка бутылку ликёра и будет пить его одна, прямо из горлышка. Пить от облегчения, что муж уехал. Потом, когда ликёр кончится, она будет смотреть телевизор и заснёт, не выключив его. А может быть, выпьет лишь немного, после чего соберётся и поедет к какой-нибудь из своих подруг, а оттуда, уже с подругой – в ночной клуб. Моей матери, актрисе и пианистке, разумеется, противно всё то, что показывают в ночных клубах, но она приезжает туда уже в таком состоянии, что покажи ей хоть жёсткую корриду, она не обратит на это никакого внимания. Пьяной ей нравятся такие вещи, от которых трезвая она бы пришла в ужас...

А отец сейчас сядет в самолёт и полетит, радуясь, что целую неделю он не увидит нас и может развлекаться, не объясняя, почему не пришёл домой ночевать.

Вот такая у нас семейная идиллия...

Многие люди хоть раз да побывали новенькими в классе. Мне удалось попасть в более забавную ситуацию – новеньким был весь класс. То есть, конечно, многие были знакомы и раньше, но тем не менее... Нашу школу открыли только в этом году, выстроив новое школьное здание на пустыре между старым панельным районом и микрорайоном новостройки. Часть учеников живут в новостройках, часть перешли в нашу школу из старой, находившейся в центре панельного района. На здании висит табличка: «Школа № 97 с углублённым изучением отдельных предметов». Каких – для читающего табличку остаётся загадкой. Хотя десятые классы сделали профильными: физико-математический, химико-биологический и наш, гуманитарный.

Из моего окна школу видно лишь частично: она выглядит из-за второго корпуса нашего дома. Зато этот второй корпус видно хорошо. Во втором корпусе живёт моя одноклассница Наташа Титова. От нас можно увидеть окно Наташиной комнаты. Можно увидеть, открыта или закрыта у неё форточка, задёрнуты или нет занавески, горит или не горит свет...

Наташа – вторая тема моих фотографий. С начала учебного года я фотографирую её тайно и открыто, на улице и в школе и держу отпечатанные фотки в ящике стола... Фотки

Наташи, в отличие от пейзажных, всегда цветные. И на всех она улыбается. Конечно, не мне, а просто так, но всё равно приятно. Глаза у неё красивые – большие, золотисто-карие. И черты лица правильные. И волосы густые, волнистые, падают на плечи не хуже, чем у любой модели из рекламного ролика. А самое главное, она ещё и умная. Это, между прочим, редко – чтобы девчонка и выглядела хорошо, и не дура. Мне такие раньше не попадались...

Беда только в том, что Наташа не обращает на меня никакого внимания. Ни первого сентября, ни сейчас, в октябре, я для неё ничем от других одноклассников не отличался и не отличаюсь...

В это дождливое утро я еле продрал глаза: поспать удалось только пару часов. Конечно, сам виноват – заигрался в компьютерную игру и лёг очень поздно. Настроение при пробуждении у меня, естественно, было – хуже не придумаешь. К тому же в горле першило и голова побаливала. Хотелось послать школу ко всем чертям и забраться обратно под одеяло. За прогул мне дома всё равно не попадёт, мать с похмелья не склонна заботиться о моём посещении школы. Но как раз то, что мать вчера напилась, было плохо. Проснувшись после такого вечера, она обычно начинала изводиться от чувства вины, лезть ко мне с разговорами и поцелуями, а мне это глубоко противно. Поэтому, как ни крути, надо пойти в школу, а потом гулять. И не появляться дома чем дольше, тем лучше.

Я умылся ледяной водой, налил себе кофе настолько крепкий, что от горечи сводило челюсти, а от головы проглотил таблетку цитрамона и только после этого почувствовал, что хоть немного соображаю...

Выскочив из подъезда и ощущая, что опаздываю, я развил такую скорость, что чуть не влетел с разбега в Титову, идущую по дорожке от своего дома. Она, несмотря на дождь, шла не торопясь, держа над собой разноцветный зонт. У ме-

ня зонта не было, капли стекали с кепки за шиворот.

– Привет, – сказала она.

Это ничего не значило: она со всеми всегда здоровается. Я кивнул и пошёл впереди.

Давно заметил, что влюблённые мало того что выглядят по-дурацки – они ещё очень незащищены. Объект любви, зная, что его любят, может вести себя весьма гадко, причиняя влюблённому страдания. А может и вовсе послать. Поэтому с того дня, когда я понял, что неразумно влюбился в Титову, я постоянно напоминал себе, что в любом случае никто о моих чувствах знать не должен. То, что я смотрю на неё в школе, – так сижу прямо за ней, куда мне ещё смотреть? А то, что щёлкаю фотиком, – так я всегда с ним хожу, щёлкаю всё подряд, к этому класс уже тоже привык. А вот признаться ей или кому-то проболтаться о том, что думаю о Наташе, – этому не бывать никогда. С самоконтролем у меня всё в порядке. И жить разумом, а не эмоциями я умею!

У расписания мы оказались одновременно, но я уже переобувшись, а Наташа – только с улицы.

– Смотри-ка, – сказала она мне, – история будет. Надо же!

Историчка, которая вела в нашем классе, тяжело заболела ещё в начале сентября, и теперь историю у нас вели то историчка из маткласса, то студенты-практиканты. А чаще всего уроки просто заменяли другим предметом.

Просыпаться и тащиться на первый урок ради того, чтобы слушать какую-нибудь студентку, которая волнуется, за-

икается и обычно в истории понимает гораздо меньше меня самого, было глупо. И с окончательно испорченным настроением я забрался за свою последнюю парту...

Вместо знакомой исторички или практикантки в класс вошёл высокий худой дядька в белом свитере и в очках. Он положил на учительский стол стопку книг, классный журнал и радостно сказал:

– Здравствуйте, садитесь! Я ваш новый преподаватель истории. Зовут меня Виктор Валентинович Карбони.

И, видимо для большей убедительности, он написал своё имя мелом на доске.

– Итальянец, что ли? – спросил я негромко, не ожидая ответа.

Однако уши у нового преподавателя были что надо. Он повернулся и, всё ещё улыбаясь, пояснил:

– Дед был итальянским коммунистом, а я, внук, – уже русский.

Карбони оказался странным типом. Выглядел он слишком счастливым для учителя. Кроме того, он не стал вести урок по какой-нибудь определённой теме. Он стал с нами знакомиться. Попросил каждого написать на бумажке что-нибудь о себе. Что угодно. Это было забавно. Я подумал и написал: «Фёдоров Елисей Александрович. Гений».

Сидящие впереди меня Наташа и Алиска Зеленина, хихикая, гадали, сколько же историку лет и надолго ли он к нам. Я не особо силён в определении возраста, поэтому их версии,

что ему от двадцати семи до тридцати двух, поверил. Несомненно, историк будет пользоваться у женской части класса популярностью. Ещё бы! Молодой, весёлый, симпатичный. Я на всякий случай посмотрел на его правую руку – кольца не было. Ну вот, ещё и неженатый.

Виктор Валентинович собрал бумажки и стал их читать. То есть автор записки вставал, представлялся, а потом историк задавал по его записке пару-тройку вопросов. Было весело. Почти все девчонки написали, что они любят историю. Ну да, как же!

Когда пришла моя очередь, я встал. Карбони внимательно прочёл мою фразу и спросил:

– А в какой области ты гений, Елисей?

– Во всех, – сказал я.

Глаза у него были голубые. И это тоже показалось мне лишним поводом для девчачьих страстей. Главное, чтобы Наташа в него не влюбилась. Вот это будет засада!

– Универсальный гений – это редкость, – улыбнулся он. – А всё-таки какой предмет тебе больше всего по душе?

– Никакой, – сказал я. – Я универсальный гений, и в этом моя карма.

Класс захохотал.

– Хорошо, садись. – Виктор Валентинович выглядел всё так же благодушно. – А теперь выясним, что для кого значит история...

– Классно ты ему, – заключил Денис, мой сосед по парте.

– Мало я ему, – пробурчал я.

И подумал, что историк – дерьмо. Слюнявый добрячок, только и умеющий нравиться девочкам. Есть такой тип учителей. Ну уж нет, господин Карбони, моей любимой девушке ты не понравишься! Я поставлю тебя в идиотское положение, вот увидишь!

Весь оставшийся урок задания Виктора Валентиновича я не выполнял, а рисовал в тетрадке комиксы. Сначала – зловещую чёрную машину с жутким злодеем, увешанным топорами. У злодея были голубые глаза и очки. Потом сцену, в которой злодей прикидывается учителем, а сам зарубает всех моих одноклассников. Кроме Наташи, которую он похищает. И напоследок – сцену спасения дамы и себя, зарубающего маньяка его же оружием. Рисовал я всегда неплохо, так что получилось как надо – жутко и кроваво... Отрубленная голова Дениса, например, выглядела очень живописно в окружении гроздьев винограда... Или спасённая Наташа, которой я вручал вырезанное сердце маньяка...

* * *

На переменке только и разговоров было что о новом историке. К тому же он обещал факультатив по философии. Обычно если речь шла о факультативе, девчонки это дело игнорировали, но на эти занятия записались почти все. В том числе и Наташа. Пришлось записываться и мне. Тем более

за последние два года я, в основном с помощью Интернета, начитался столько философской мути, что было даже любопытно, в состоянии ли Карбони меня удивить. Интересно только, как Наташа собралась вмонтировать факультатив в своё и без того нагруженное расписание? Кроме школы она ходила на дополнительный английский и на танцы. Мне было проще: все кружки и секции, куда был записан в прежней школе, я бросил под предлогом переезда, хотя на самом деле мне просто надоело и захотелось пожить для себя, распоряжаться своим временем самостоятельно. Да и какой смысл туда ходить? Знаменитым борцом, пловцом или фотографом я всё равно не стану, зато набить кому-нибудь морду, переплыть нашу речку и качественно сделать снимок уже и так могу. Так зачем убивать время?

– Елисей!

Я обернулся – внук итальянского коммуниста стоял рядом со мной.

– Елисей, я бы хотел с тобой поговорить. Это недолго.

Мы отошли с ним в уголок к окну. Народ на нас удивлённо косился.

– Я хотел сказать о карме. – Он улыбнулся. – Знаешь, бывает, люди выучат несколько научных слов вроде «кармы» или «либидо» и начинают выдавать на каждом шагу. При этом содержание слов не понимают, для них это только штампы. Ты же умный парень. Поэтому я хотел тебя попросить: употребляй подобные слова в научном контексте. Хо-

рошо?

– Что это вас так задело? – удивился я. – Подумаешь, «карма». Слово как слово.

– Ты слушаешь поп-музыку? – вдруг спросил он.

– Нет.

– А хотел бы её слушать?

– Нет.

– Слова – та же музыка. Можно слушать Грига в исполнении оркестра, а можно слушать, как напевает сосед, начисто лишённый слуха...

Он ещё раз улыбнулся и ушёл.

Я стоял у окна несколько растерянный. Претензии историка мне были непонятны и неприятны. Кто он вообще такой, чтобы советовать, какими словами мне выражаться, а какими нет?

Я повернулся в сторону толпы девчонок. По их лицам было видно – обсуждают нового педагога. Дуры!...

Домой я возвращался вместе с Наташей и Алиской Зелениной. Что тоже ничего не значило – просто нам было по пути. А Алиска шла к Наташе домой. Их дружба меня всегда удивляла. Мне казалось, что между красавицей Наташей, серьёзной и рассудительной, и Алиской Зелениной ничего общего быть не может. Алиска была маленького роста, худая и угловатая, одетая в какие-то секонд-хендовские тряпки, и с характером простым как три копейки.

Сейчас Алиска меня раздражала. Она прыгала через лу-

жи, как младшеклассница, размахивала сложенным зонтиком, норовя заехать мне в глаз, и постоянно шмыгала своим прыщавым носом.

– Как тебе новый историк? – поинтересовалась Наташа.

– Не понравился, – ответил я. – Очарованный ветхостью болван. Историчка и то была лучше.

– А мне понравился, – влезла Алиска.

– Зеленина, твой выбор – Троцкий, Геббельс и Карбони, – сказал я. – Радостные обезьянки мне не нравятся.

– Не надо историка обзывать, – надулась Алиска.

– Ладно, Алиса, не обижайся, – заступилась за подругу Наташа. – Просто Елисей – тайный поклонник Геббельса. Это он Виктора Валентиновича похвалил.

– А тебе он понравился? – удивился я.

– Вполне.

Я пожал плечами и замолчал. Кажется, начинало сбываться то, чего я и боялся. Парня у Наташи не было, и ничто не мешало ей втрескаться в этого итальянского придурка.

Во дворе я помахал девчонкам рукой и подумал, что идут они к Наташе специально – пить чай и в процессе этого разводить типично девчачьи охи-вздохи. На этот раз об историке. Сейчас будут перебирать все его слова и жесты и сплетничать...

Матери дома не было. Я заглянул в холодильник – пусто. Достал из шкафчика пакет растворимой картошки, врубил чайник. Подумал, что скоро заработаю себе язву, так как

мать готовила всё реже и реже. Отцу было легче: он обедал и ужинал то в кафе, то у своих любовниц. У меня не было любовниц и не было возможности таскаться по кафе. Такой вот пролёт по всем статьям.

Я заварил пюре кипятком и взял с подоконника книжку. Привычка читать за едой осталась даже после того, как я разочаровался в книгах. Нет, правда, в книгах нет ничего стоящего. Всё, что там пишут, – выдумки, к тому же не конкретного автора, а кого-то другого за чёртову кучу лет до его рождения. Писателям только кажется, что они нашли что-то новое. Это не так. Всё – ложь и повторение. Тысячу раз переписанный «Колобок» для трёхлеток, семилеток, взрослых и пенсионеров. Кстати, то же с музыкой.

Вообще всё, что есть в мире, – довольно банально и циклично. К примеру, погода. За жизнь человек проживает множество повторений осени, зимы, весны и лета. С маленькими вариациями для трёхлеток, семилеток, взрослых и пенсионеров. Каждое утро – утро, каждый вечер – вечер. Во время каждого дождя в окно врезаются капли. Тысячи раз, миллионы раз. Они разбиваются, катятся вниз, сливаются с другими такими же каплями. То же – с людьми.

Всё в жизни предусмотрено законами физики, законами психики, ещё какими-то законами, о которых я даже не знаю. Везде – своё расписание. Всё заранее установлено, все втиснуты в рамки, как в гробы. Только у кого-то гроб дубовый, а у кого-то из ДСП. То же самое про смерть...

Огромное количество людей. Зачем столько? Что они делают на Земле? Выпадают, как осадки, растекаются, сливаются и исчезают... Я тоже когда-нибудь исчезну. И, честно говоря, в последнее время я стал думать, что рано – лучше, чем поздно. Слишком скучно здесь, на свете...

Кстати, какое там расписание для девочек, влюбившихся в своего учителя? Наверняка тоже довольно жёсткое. А для мальчиков, которые ревнуют этих девочек? Я зло хохотнул.

Ну уж нет, там, где дело касается меня, буду решать я, а не дурацкие схемы! Может быть, я и родился затем, чтобы переломить одну из многовековых традиций и повернуть всё по-своему?

Идея мне понравилась.

* * *

Мать вернулась около 11 вечера. Её состояние я всегда отслеживаю по тому, открыла ли она ключом или позвонила. Если открыла – ещё соображает, позвонила – дело плохо, скорее всего, её привезли более трезвые подруги.

В этот раз раздался звонок. Я обречённо выбрался из-за компа. Сыновний долг, выражающийся в том, чтобы помочь матери стащить плащ, сапоги и довести до кровати, меня жутко раздражал. Но и не делать этого я не мог. В силу дурри, которую ещё называют воспитанием. И потом, я ведь когда-то любил маму... Если вдуматься, то не так уж и давно.

К моему удивлению, мать явилась вполне адекватная. Спиртным от неё, конечно, пахивало, но совсем чуть-чуть. А звонок объяснился тем, что руки у матери были заняты пакетами.

– Лесик, ты голодный? – Она улыбалась. – Возьми. Там пицца, поставь в микроволновку. Остальные продукты – в холодильник. А что ты такой грустный?

– Всё нормально, спать уже собирался.

– Так ты идёшь спать? – Голос матери стал куда менее радостным. – А я думала, мы чай с тобой попьем, поговорим.

– Мам, пиццу в одиннадцать вечера есть вредно, – сообщил я.

Она рассмеялась:

– Вредно тем, кто толстеет. А нам с тобой полезно!

Да, тут спорить было не с чем. Ни она, ни я упитанностью никогда не отличались. Вообще я очень похож на мать. Лицо – почти точная копия её лица в молодости. Говорят, если сын похож на мать, то быть ему счастливым. Естественно, это враньё. Допустим, мне никакого дополнительного счастья такая похожесть не принесла. Разве только то, что, как и мать, я был объектом повышенного внимания противоположного пола. По крайней мере, в прежней школе. Но по молодости лет никаких выгод из девчачьего внимания не получал, а получал только дурацкие записки, всякий мусор за шиворот и прочее, что обычно сопровождает девчачью влюбленность в средних классах. Вспомнить страшно, коро-

че говоря. Теперь я бы с радостью поменял всех тех девчонок на одну только Наташу. Но, к сожалению, человечество ещё не изобрело обменников, где внимание ненужных тебе людей можно сдать, получив взамен внимание нужного...

Я сунул пиццу в микроволновку и пошёл в общую комнату, которую предки гордо называли гостиной. Мать смотрелась в зеркало, поправляла волосы, как будто пришла в гости или в ресторан, а не к себе домой. Потом обернулась ко мне.

– Лесик, хочешь, я тебе поиграю?

Отказывать было нельзя. Это был главный материн бзик. Если я отказывался слушать, как она играет, у неё начиналась настоящая истерика. Хотя, честно говоря, играла она очень хорошо, мне нравилось.

Мать села за пианино, я – в кресло рядом.

Когда-то давно она окончила институт культуры, актёрский факультет, потом играла в местном театре, потом вела театральный кружок в Доме творчества. Но ей это не особо нравилось. Она всю жизнь хотела быть знаменитой пианисткой. Неудачный перелом руки сделал это невозможным, из училища по классу фортепиано ей пришлось уйти. Меня отдали в музыкалку уже в пять лет. Но, когда я в четвёртом классе сломал руку (не левую, как мать, а правую, но всё равно это считалось мистическим совпадением), ходить туда дальше я наотрез отказался. Мать очень переживала из-за этого. Теперь ей только и оставалось – играть мне или просить меня поиграть ей, но, так как я, бросив музыкалку, и до-

ма перестал заниматься, второе потеряло смысл. Я мог сыграть только что-нибудь совсем лёгкое, а это было неинтересно.

Сейчас мать играла что-то, название чего я не помнил, не очень быструю музыку и не грустную – светлую, приятную. Я смотрел на её руки и думал о Наташе. Вспоминал её взгляд, улыбку, как она поправляет волосы, как закидывает сумку на плечо. Потом – шарф, соскальзывающий с её шеи. Я ясно представил Наташу рядом с собой. Как мы стоим с ней рядом на территории ТЭЦ.

Идёт снег, я показываю ей окно, в котором сидел давно-давно, а она смотрит туда и улыбается.

Потом мысли мои перескочили на Виктора Валентиновича. Принесла же его нелёгкая в нашу школу!.. Наверняка он был большим неудачником. Иначе бы не пошёл в учителя. Учителями работают либо те, кто выбрал эту профессию давным-давно, когда быть педагогом считалось круто, либо те, кто больше нигде не нужен. Очевидно, историк относился ко второму сорту...

Микроволновка уже щёлкнула и выключилась, в животе у меня бурчало, а голова побаливала...

– Лесик!

Музыка прекратилась.

– Лесь, ты меня не слушаешь совсем. Мог бы сразу сказать, что тебе не до меня.

– Я слушал, – устало сказал я. – Но уже очень поздно, я

вчера всё-таки простыл, и теперь мне фигово. Давай пить чай и спать пойдём.

Мать раздражённо хлопнула крышкой пианино. Но потом взяла себя в руки и снова улыбнулась:

– Тогда расскажи мне что-нибудь, пока будем ужинать.

– Что?

– О школе, о девочках, о том, что читаешь. Неужели тебе нечего рассказать?

– В школу я хожу, – сказал я. – Книжки читаю. А девочками не интересуюсь, маленький ещё.

На кухне откусил кусок пиццы побольше, чтобы ясно было видно – говорить я сейчас не могу.

– Сы#на, почему ты такой злой? – мать закурила, и дым от ментоловой сигареты заполнил пространство между нами, создав ещё одну стену кроме той, которую я постоянно ощущал и без дыма. Курила мать торопясь, причмокивая, очень некрасиво. Как будто девчонка, которая не успевает с перемены на урок.

Я сосредоточенно жевал.

– Почему вы все злые, почему? – завелась мать. – Разве я не заслужила хоть чуточку внимания? Вот ты, Лесь, когда я прихожу вечером, ты хотя бы раз поинтересовался, как мои дела? Ты даже из комнаты не выходишь, если не надо дверь открыть. Тебе противно быть со мной?

Лицо матери стало похожим на античную маску злого героя, сделанную из старой жёлтой бумаги. Только глаза ожив-

ляли её да одинокая слеза, проползающая по щеке.

– Лесь, скажи, я тебе противна? Я задаю тебе простой вопрос, но ты его игнорируешь. Понимаешь, Лесь, ты для меня единственный родной человек, но даже ты не хочешь со мной говорить! Ты ненавидишь меня, да?

– Пересказать тебе последнюю книжку?

– Почему, почему мне нужно это терпеть? Почему меня спасли, когда я тонула в детстве? Господи, как мне было бы уже хорошо! Если бы вернуться назад, никого, слышишь, никого из вас не было бы в моей жизни! Я бы родила девочку, она бы научилась играть на пианино, она бы не стыдилась говорить со своей матерью.

– Последнее, что я читал, была муть о Святом Граале. Толстенная такая книженция, но ничего особенного, – продолжил я спокойно.

– Почему, почему я не такая, как все? – Мать яростно, нервными движениями смяла сигарету в пепельнице так, что невыкуренный табак из неё полетел во все стороны. – Неужели я нужна только для того, чтобы уколоть меня побольнее? За что, за что?!

Она вскочила и бросилась в спальню.

– О том, что можно найти Грааль и будет полное счастье, – закончил я себе под нос.

Дверь спальни громко хлопнула.

Мама не станет искать Грааль. Она снова достанет бутылку. Если разобраться, Грааль ей не нужен. Как не нужен и я.

А нужен – повод, чтобы расстроиться и выпить. Я много читал про такие психологические штучки. Иногда я думаю, что вообще прочёл непозволительно много для своего возраста. Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь.

С этой мыслью я выключил на кухне свет и отправился в комнату. Перед тем как лечь, глянул на второй корпус. Наташино окно не светилось.

* * *

Я хожу в школу только тогда, когда мне это надо самому. Когда уроки интересные или чтобы из дома смотаться. Словом, когда есть причины идти. И когда эти причины есть, мне ничто не помешает.

За ночь мой организм окончательно сдался, к утру я температурил и не мог дышать носом. То есть имел вполне официальный повод остаться дома и полдня валяться в постели. Но, обдумав вчерашнюю ситуацию, я решил, что идти на уроки надо. Чтобы нанести удар по престижу историка. Как это сделать, я ещё не знал, но сделать это было необходимо. Превентивно, так сказать. Опустить его в глазах Наташи как можно ниже и потом уже жить спокойно...

Идти я решил ко второму уроку, потому что первым была физкультура – не ключевой для моего возможного будущего предмет. Вместо тупого бегания за мячом я остался в тишине комнаты и, включив компьютер, рассматривал сним-

ки Наташи. На нескольких она позировала мне, как бы ради прикола. Я пролистал на компьютере эти снимки. Была в них, как это говорят, энергетика. Но не вообще энергетика, типа фиг знает что, а активизация именно для меня. Посмотришь на кадры, где Наташа улыбается, – и вот уже болезнь затихла.

Наверное, если бы Наташа стала моей девушкой, я вообще бы ничем не болел. И никогда не расстраивался. Не было бы ни досад, ни обид, ничего... Только радость.

Я попытался представить, как это – постоянно радоваться. Но не получилось. Что-то жало и мешало в груди. Естественно, сейчас оснований быть счастливым у меня не так уж много. Ну ничего, разберусь с неожиданно нарисовавшимся соперником, и всё будет гораздо лучше...

Пришёл я в школу немного более бодрым, чем проснулся. Вторым уроком была литература, которую вела пышная телом, носатая, чуть картавая учительница, которую вдобавок звали Анна Ивановна. В общем – ожившая гравюра императрицы Анны Иоанновны. От смеха можно лопнуть. Учительница что-то вдохновенно вещала, а я размышлял о том, как бы подгадить историку. Ну и рисовал, конечно. Сначала – расстрел итальянских патриотов-гарибальдийцев. Главный патриот – Виктор Валентинович – уже лежал в луже крови, сражённый *моей* пулей, пулей реакционера. Сходство было весьма отдалённое, но я не успокоился. Дальше я набросал пленение итальянских солдат под Сталинградом, хотел было

нарисовать Карбони, со слезами на глазах вымаливающего у меня, советского солдата, прощение, но тут на меня обратила внимание Анна Ивановна. Задала вопрос и втянула в длинную бессмысленную дискуссию.

Следующим уроком была история, ради которой я вообще пришёл в школу. Пока мы брели с первого этажа на третий, Наташа трепалась с Алиской о Викторе Валентиновиче. Не то чтобы я специально подслушивал, но они так громко об этом говорили, что не услышать было невозможно.

– Вите нравится сиреневый цвет, – сообщала Алиска. – Я в журнале читала. Оказывается, мужчины в тридцать лет предпочитают сиреневый и тёмно-зелёный цвета. Потому что... – Алиска задумалась. – Ну, в общем, им нравится. Там так написано было.

– Давай спросим, – предложила Наташа, поправляя джинсовый пиджачок. Пиджачок был тёмно-бордовый и нравиться историку, по версии Зелениной, не мог.

– Давайте я спрошу, – предложил я ехидно.

– Фёдоров! – Наташа остановилась и тормознула меня, ухватив за рюкзак. – Только скажи Вите какую-нибудь гадость, и я тебя покалечу.

– Ты что, Титова, влюбилась? – уточнил я.

– Тебя это должно волновать? – спросила Наташа. – Правильно, не должно. Но я предупредила!

Я промолчал, и Наташа, резко повернувшись, пошла в класс, а вместе с ней и Алиска, бросившая мне через плечо:

– И чего ты на него окрысился?

Да, нужно было действовать... Только как – я всё ещё не знал. К тому же вдруг почувствовал себя довольно мерзко. Видимо, температура снова начала подниматься. Что ж, это в моём стиле! Чуть промочу ноги, замёрзну, так жди соплей, а то и ангины. Никакого иммунитета. Хилое городское дитя...

Я порылся в рюкзаке, достал носовой платок и затолкал в рукав свитера.

Улыбка на лице Виктора Валентиновича сегодня была ещё шире, чем вчера. Как будто он смертельно по нам соскучился и наконец-то – вот радость! – увидел. Сегодня мне предстояло лицезреть его аж два урока подряд, так как три часа истории у нашего класса скомпонованы в два дня. Плюс седьмым уроком – философия. Первый час обещанного факультатива. Оставалось надеяться, что я не захлебнусь за это время соплями и что меня не стошнит от радостного вида Карбони. Второго, пожалуй, избежать будет гораздо сложнее...

Историк мелькал у доски в своём белоснежном свитере, улыбался и писал мелом нужные даты. Надо было задать вопрос по теме, неожиданный и сложный, чтобы он не смог ответить. Это я умею. За это меня ненавидели учителя старой школы и уже начинают недолюбливать здесь. Но, как назло, в голову ничего умного не лезло, а стоял там непрерывно нарастающий болезненный гул.

Я положил локти на парту, а голову – на них и почти за-

дремал.

– Вопросы у класса есть?

Слово «вопросы» вырвало меня из дрёмы, и я поднял руку. По привычке и потому, что я как раз и собирался его о чём-то спросить. Но о чём?

– Елисей?

Ну да, конечно, я поднял руку один. Всем остальным всё было понятно.

Я встал и увидел, что Наташа, повернувшись ко мне, презрительно сощурила глаза. Она ведь просила не лезть к историку, а я нарушаю её просьбу. Но что спросить-то? Я его речь толком и не слышал.

– У тебя вопрос? – уточнил Виктор Валентинович, направляясь ко мне по проходу между партами.

– Да, – сказал я. – Почему вы ушли с прежнего места работы? Почему вы пошли в школу? Нормальный человек не будет работать за такую зарплату.

Класс затих.

– Елисей... – медленно начал Карбони. – Я по образованию историк, и мне хотелось получить педагогическую практику. Я не вижу ничего постыдного в работе в школе. Напротив, это дело вполне благое. Предыдущая моя работа была связана с раскопками. Летом я к ней вернусь.

– Вы грабите могилы? – вырвалось у меня. Не специально, правда.

Наташа покраснела.

А историк вдруг расхохотался. Да так, что слёзы выступили. И, смеясь, махнул рукой: мол, садись.

– О нравственно-этических аспектах археологии поговорим либо индивидуально, либо на факультативе, если это заинтересует ещё кого-то кроме тебя.

Я сел, осознавая свой провал. Надо же было сморозить такую глупость! И всё из-за дурацкой головной боли. Хотел подгадить Вите, а получилось – наклал себе же в карман.

Последние пять минут урока тянулись ужасно долго, я ед-

ва смог дожидаться звонка. Даже спина Наташи, казалось, источает раздражение.

Со звонком я вскочил и выбежал из класса.

* * *

Это была самая противная болезнь в моей жизни. Так сказать, обильно приправленная осознанием своей дурости.

Раньше болеть было даже прикольно: лежишь дома, ничего делать не должен, глотай таблетки, полощи горло и читай книги. Родители опять же тебя жалеют и проявляют внимание. В этот раз всё было не так. Мать обиделась и вообще ко мне не заходила. Наташа обиделась и как будто говорила со всех своих фотографий: «Фёдоров, я тебя покалечу за то, что ты Вите сказал!» Весь мир от меня отвернулся. Даже читать я не мог, вместо строчек из книги в голове постоянно возникали собственные невесёлые мысли. Выздоровливать и идти в школу не хотелось.

В воскресенье вечером позвонила Зеленина. Соврала, что классная просила узнать, как дела. На самом деле классной было на меня абсолютно наплевать, ей чем меньше народу за партами, тем спокойней. Алиска сделала это исключительно для себя, потому что я ей нравлюсь. После стандартного вопроса о самочувствии она поинтересовалась, буду ли я к следующему воскресенью в состоянии прийти к ней на день рождения.

– Не знаю, – честно сказал я.

Так как мать меня игнорировала, я занимался самолечением. И довольно безуспешно: температура упорно держалась и горло болело.

– Жаль. Кого ни позову, никто не может. Только Наташа и Оля Морозова согласились.

«Наташа – это интересно, – подумал я. – Это шанс загладить свою тупость, оправдаться и помириться».

– И ещё мы хотели Виктора Валентиновича пригласить. Только он отказался. В общем, получается – одни девчонки... – Алиска печально вздохнула.

– Ладно, приду. Что тебе подарить-то?

– Прояви смекалку! – захихикала она.

Проявлять что-то мне было лень, я размышлял, чья это идея – пригласить Карбони к Зелениной. Алискина или всё-таки Наташина. И я сказал:

– У меня книжка есть ненужная. «История пыток» называется. Подарить?

– Подари, – сказала Алиска. – Буду знать, как тебя пытать. В общем, в воскресенье в четыре. Только, Елисей, вы с Наташей не ссорьтесь у меня, ладно? Она на тебя здо#рово злится с того раза. Считает, что ты класс перед педагогом опозорил.

О да!.. Все остальные – просто радость школы, один я позор! Кто бы мог подумать!..

– Ну, если она не полезет меня калечить, то буду корректен.

– Кстати, Виктор Валентинович просил тебе передать, чтобы ты поправлялся. Он на тебя не сердится. Ты же от температуры ерунду говорил.

Захотелось дать Алиске в лоб, но, к её счастью, это было невозможно.

– Ему тоже... не кашлять, – мрачно сказал я. – Ладно, Зеленина, я пошёл горло полоскать. Ради тебя, а то к воскресенью не вылечусь.

И положил трубку.

Всё было ещё хуже, чем казалось сначала. Я вёл себя как идиот, а Виктор Валентинович – как великий гуманист. Не обиделся на меня, передал, чтобы выздоравливал. Да лучше бы он психанул. А так, естественно, понравится Наташе ещё больше!

«Надо что-то делать», – в который уже раз подумал я.

Потом включил комп и написал: «ПЛАН». План оттеснения от Наташи опасного историка Карбони. И, соответственно, план приближения Наташи к себе.

В дверь постучали. Ни раньше, ни позже. Когда я тут валяюсь с температурой и хочу, чтобы мать пришла, она занимается своими делами. А как у меня появляется дело – так она тут как тут. Стук я проигнорировал. А если я не открывал, то мать ко мне и не входила. Так она демонстрировала своё доверие и демократию в семье...

Что же я буду делать для приближения Наташи? Нужна была ревность. Из книг я уяснил, что во многих случаях жен-

ская любовь начинается с ревности. Ещё психологи говорили, что ревность разрушает организм. А также что ревность замыкает человека на одном вопросе, поэтому он становится неспособен увидеть более широкую проблему. К примеру, если какая-нибудь из Наташиных подружек будет ей непрерывно трещать о том, какой я замечательный, она непременно позавидует, потом приревнует, потом её на мне замкнёт. А за подружкой и ходить далеко не надо – вот она, Алиска Зеленина. Легкодоступная, уже и так слегка влюблённая в меня дуручка. Она и стала в плане номером «1».

Под номером «2» я написал: «В. В.». Даже влюбив в себя Наташу, следовало выжить Виктора Карбони из школы. Это было важно и справедливо. Он мне мешал и должен был уйти. Но Виктор Валентинович был куда более сложной проблемой, чем Алиска.

Я представил себя танком. Неумолимо двигаясь вперёд, я выискивал историка в прицел и стрелял, стрелял, стрелял...

Выписали меня в пятницу, выдав справку, что в школу я должен идти в понедельник. Я поклялся впредь держать себя в руках и прежде, чем что-то сказать, как следует подумать. Противник был взрослый и умный, промахов больше быть не должно.

Пока я болел, изрядно похолодало, утром лужи промерзли и покрывались хрустящей корочкой. Я шёл из поликлиники по этому тонкому ледку, ломая его и наслаждаясь звуком. Потом подумал, что треснувший лёд тоже хороший символ

разрушения и непостоянства. Я присел у лужи напротив своего дома. Кто-то уже наступил на корочку, но, вероятно, это был ребёнок, потому что лёд не проломился, а только покрылся концентрическими трещинками. Я достал фотоаппарат из внутреннего кармана куртки и сфотографировал круги. Они напоминали паутину. Потом я продавил лёд ботинком и сфотографировал его изломы и выступившую из-под корки тёмную воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.